

Гордин Александр Михайлович, кандидат искусствоведения, Российский государственный Эрмитаж г. СПб.

Об иконе Всемилоостивого Спаса
Светлой памяти старосты Покровской церкви
Александры Николаевны Востриковой

Из детства я слышал о прострелении Спасителя и о происшедшем после сего чудотворении, при сей Ви-товтовой осаде города Опочки, следующее предание:

Когда Опочане начали ходить с крестным ходом и со Святыми иконами вокруг крепости, то неприятели, гораздо в силах, против опочан многочисленнейшие, начали стрелять в Священныя Хоругви и в Святыя Иконы. В это время прострелили они, повыше правого ока, и находящийся в здешнем соборе образ Всемилоостиваго Спасителя

И. П. Бутырский. «Опыт древней истории города Опочки»

Не так давно в очередном томе издаваемой Институтом искусствознания серии «Древнерусское искусство», посвященном искусству средневекового Пскова, появилась статья о Деисусах с Николой. Автор статьи – немецкий искусствовед болгарского происхождения Иван Бенчев (1944–2012). Отправной точкой для публикации стала практически неизвестная у нас до тех пор икона из частной коллекции в Швейцарии, икона хорошей сохранности и превосходного письма, обнаруживающая все признаки псковской школы XV века (ил. 1)¹.

Деиси (δέησις) в переводе с греческого означает моление. Изображения молитвенно предстоящих Христу апостолов и мучеников известны уже в раннехристианскую эпоху. Сложение же канонической формы деисуса или, по-русски, деисуса связано с Византией. Иконография несет на себе явную печать придворных церемоний. Сидящему на престоле Христу в строго иерархическом порядке предстоят Богородица, Иоанна Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, первоверховные апостолы Петр и Павел, далее состав фигур может варьироваться. Само собой разумеется, иерархия проявляется не только в степени близости ко Христу, но и в том, находится ли предстоящий по правую руку от Него, или по левую. Иоанн Предтеча вполне законно занимает место в одной паре с Богородицей, т. е., иерархически, сразу после Нее: таково его реальное место в истории Спасения. «Сей есть, о котором написано: «вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою». Ибо говорю вам: из рожденных жена минет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя. . . » (Евангелие от Луки, VII, 27-28). К тому же, фигура Предтечи – еще и напоминание о суде и воздаянии, а деисус очень рано стал связываться с темой Страшного суда и даже вошел в состав его иконографии. Заметим, впрочем, что столь высокое почитание Иоанна Крестителя является все же спецификой христианского Востока: не меньшую роль, чем Священное Писание, сыграло тут и церковное предание, и раннее развитие монашества, ведь Иоанн – еще и прототип пустынноика и аскета.

Чем же объяснить тогда дерзновенную замену столь уникальной фигуры как Иоанн Предтеча на Николая Чудотворца? При чем не только в трехфигурном, но и в пятифигурном деисусе, как на рассматриваемой иконе. Верно ли считать эту замену проявлением пресловутого «самомышления» псковских иконописцев, изобретением – или, скорее, заимствованием – почти не воспринятым другими центрами русского иконописания? Ведь уже и ранее отдельные деисусы с Николой связывались исследователями с Псковом. К сожалению, четких ответов на эти вопросы статья Ивана Бенчева не дает.

В средневековой настенной живописи Византии и смежных с нею стран отдельные случаи замены Предтечи в деисусе известны – но, исключительно, на патронального святого, каковым, естественно, мог быть и Никола. «Однако русское церковное искусство не знает подобных примеров: «Деисусы» с патрональным святым, замещающим Предтечу, здесь совершенно неизвестны и, можно думать, невозможны. Тем самым . . . русские

¹Бенчев И. Икона «Деисус со св. Николой» из Пскова. О северорусских деисусах со св. Николой на почетном месте // Древнерусское искусство: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи. М., 2008. С. 241–248. Первая публикация указанной иконы: Skrobucha H. Kunst des christlichen Ostens: Ikonen und angewandte Kunst (Ausstellungskatalog). Noechst, 1986. S. 125. N 60. Икона находилась в собрании Ikonengalerie Dritsoulas в Германии, после чего была приобретена швейцарским коллекционером Артуром Гросс, продавшим ее в 2003 г. неустановленному лицу.

«Деисусь» с Николой, по всей видимости, не могут быть истолкованы таким образом: мы имеем здесь принципиально иное явление»².

Иван Бенчев справедливо напоминает об особом почитании русскими Николы угодника как ходатая за живых и умерших, однако его гипотеза о том, что оказавшаяся в Швейцарии икона первоначально стояла над могилой какого-то знатного лица, выглядит слишком надуманной... Сомнительность этой «заупокойной» трактовки «Деисуса с Николой» и даже альтернативной патрональной версии: икона дескать написана для какой-то Никольской церкви, – ни для кого не может быть так очевидна, как для опочан. Ведь именно к этому редкому иконографическому типу принадлежит... да, конечно, принадлежит и палладиум Опочки, икона Всемилоостивого Спаса.

Как убедительно показали Иван Петрович Бутырский и Леонид Иванович Софийский, опочецкая икона была прострелена во время осады города Великим князем Литовским Витовтом в августе 1426 года. Написание двумя годами позже списка с иконы, «с присовокуплением» изображений «святыхъ отецъ Долмата и Фауста, Исаака», чья память празднуется 3 августа по ст. ст., не оставляет на сей счет никаких сомнений. Год создания списка вместе с именами заказчиков, опочецких старост и посадников, как известно, читался на серебряной пластинке, прикрепленной к иконе в 1554 г. по случаю создания для нее оклада («положено злато и венцы») ³. Совершенно очевидно, что источником гравированной надписи стала первоначальная надпись красками на полях иконы – наподобие тех, что можно видеть и на еще более старых псковских иконах, как то «Никола» из села Виделибья (1337) или «Одигитрия» из церкви Успения с Пороменья (конца XIV в.), ныне в Русском и Новгородском музеях соответственно. Пластинка на опочецком списке попросту закрыла первоначальную живописную надпись при наложении на образ венцов и басмы. Наш современник, исследователь псковских пригородов Александр Рудольфович Артемьев также рассматривал сохраненный пластиною текст о написании иконы «повельниемъ рабовъ Божиихъ старость Опочке града Семеномъ Колосовымъ и Федоромъ Глиною и всеми Опочаны» как достоверный исторический источник ⁴.

Размеры простреленной в 1426 г. иконы (в переводе на метрическую меру длины 78 на 53 см), отсутствие изображений на обороте, а также факт участия иконы в крестохождении вдоль крепостных стен позволяют предполагать, что то была одна из основных икон иконостаса, а правильнее сказать, алтарной преграды первой опочецкой церкви, церкви Спаса. Следует иметь в виду, что в ту далекую эпоху число моленных образов в церквях было совсем невелико: качество священных изображений решительно превалировало над количеством. Иконостасы были, в лучшем случае, двухъярусные и оставались таковыми вплоть до присоединения Пскова к Москве и даже дольше того. Тем любопытнее отметить, что в этих небольших наборах основных икон, а именно среди икон так называемого местного ряда или попросту местных икон трехфигурный деисус в средневековом Пскове был явно в чести. Деисус с Предтечей, а не с Николой, конечно. Из двух сохранившихся икон середины – второй половины XIV века из монастыря Николы от Кож, одна – икона Николы, другая – «Деисус» (ныне в Третьяковской галерее и Русском музее). Из четырех икон начала XV века из монастырской церкви Варвары в Петровском посаде, одна тоже «Деисус», причем к фигурам Богородицы и Предтечи добавлены великомученицы Варвара и Параскева Пятница (Новгородский музей).

Иными словами, образ Всемилоостивого Спаса – почти современник Опочки, и был написан, если не в 1414 г., как полагали многие священнослужители опочецкого собора, и среди них отец Петр Погонялов ⁵, то всего несколько лет спустя после закладки города.

Чудотворный образ известен нам, увы, лишь в том виде, который он получил после создания для него в 1804 г., усердием купеческой вдовы Ольги Лукиничны Викулиной, нового серебряного позлащенного оклада (ил. 2). Тогда же или несколько ранее были целиком переписаны и лики: стиль их определенно указывает на поздний XVIII век. Впрочем, нельзя не воздать должное таланту и религиозной интуиции мастера, создавшего проникновенные, запоминающиеся образы: ласковый, милостивый лик Спасителя, живые и сосредоточенные лики Богородицы и святителя Николая. Сейчас чуть ли не хорошим тоном считается пренебрегать иконами,

²Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С.15, прим. 12.

³Бутырский И. П. Опыт древней истории города Опочки. Псков: Издание Н.И. Куколкина, 1879. С. 25–29; Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков, 1912 (репринтное издание: Псков, 2004). С. 23–25. Сама надпись, «почти в натуральную величину» воспроизведена на обложке книги Софийского. Что касается фигур преподобных на списке, то, как оговаривался Бутырский, «на образе только два лица, и то без подписей, которые, может быть, были закрыты серебряною доскою. А третьего лица, вероятно, живописец не мог или не умел поместить».

⁴Артемьев А. Р. Памятная надпись с именами посадников псковского пригорода Опочка в 1428 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. Т. 25. С. 57–62.

⁵Бутырский И. П. Опыт древней истории города Опочки. С. 21–22. Сведения повторены Л.И. Софийским: Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914). С. 22.

выполненными в западноевропейской, не иконописной манере. Такие иконы, дескать, «неправославны». Как будто можно свести православие к одному лишь поздневизантийскому художественному стилю. Пример опочецкой иконы, без лишних слов, показывает ошибочность такого узкого вкусового, чтобы не сказать сектантского, подхода.

При всем различии эпох и стиля, нетрудно заметить определенные элементы сходства опочецкого Спаса – такого, каким его запечатлела фотография Герасимова, – и опубликованной Иваном Бенчевым иконы из швейцарской коллекции. Сходство есть и в пропорциях, и в соотношении изображенных между собой, в тесной постановке фигур и трогательном смирении Богородицы и святого Николы, в рисунке фигуры Спаса, Его посадке, в положении Его благословляющей десницы на одной оси с лицом и, наконец, в том, как повернута скамеечка для ног. И это особенно очевидно, если сравнить обе иконы с еще одним, слывающим псковским, «Деисусом с Николой» – в Покровском старообрядческом соборе на Рогожском кладбище в Москве⁶.

Икона из швейцарской коллекции, судя по стилю, написана не ранее середины XV века. Разумеется, это еще не повод, чтобы считать ее уменьшенной репликой, вольным повторением прославившегося в 1426 г. опочецкого образа, но, во всяком случае, отмеченные нами параллели подкрепляют гипотезу о ее псковском происхождении. С другой стороны, эти параллели заставляют с большим, чем ранее, доверием отнестись ко многим деталям поновленной на рубеже XVIII–XIX веков опочецкой иконы: детали, которые легко было бы счесть плодом вольной фантазии живописца и автора чеканного оклада, в действительности, вполне могут восходить к древнему оригиналу.

Согласно описям XIX века (ГАПО, ф. 369, оп.1, д. 3234, 3393 и др.), в Покровской церкви Опочки имелся богато украшенный список иконы Всемилового Спаса, выполненный, судя по всему, тщанием строительницы храма, все той же Ольги Лукиничны Викулиной. В описи, составленной перед разборкой предшествующей Петропавловской церкви в 1802 г., этой иконы нет (ГАПО, ф. 369, оп.1, д. 1008, л. 1–7)⁷. Как ни грустно, но видимо, именно этот список начала XIX века, утративший свой настоящий оклад при изъятии церковных ценностей, мы и видим сегодня в Покровской церкви⁸. Лет двадцать тому назад икону извлекали из киота, но никакого «выщипа от ружейного простреления» на обороте, по словам очевидцев, обнаружено не было⁹. Проводились ли с тех пор новые освидетельствования или нет, нам неизвестно. Лики на иконе полностью переписаны в послевоенное время (не при отце ли Виталии Железняковиче?) – тем же самым художником, что написал для иконостаса образы воскресшего Христа и Богородицы с Младенцем вместо первоначальных икон Христа Великого Архиепископа Покрова (ил. 3).

Какие-то списки чудотворной иконы имелись, конечно, и в других опочецких церквях, но выглядели они куда скромней. Так, в притворе Лукинской церкви опись 1802 г. упоминает «на правой стороне образ Всемилового Спасителя писанъ на краскахъ» (ГАПО, ф. 369, оп.1, д.998, л. 2 об.). В Покровской церкви, кстати, имеется еще одна, сильно потемневшая копия с иконы Спасителя; следов крепления оклада на ней как будто бы нет. Учитывая, что в Покровскую церковь больше всего икон – спасенных прихожанами – попало именно из Лукинской церкви, нельзя исключить, что и этот копийный образ также происходит оттуда. (Жаль, конечно, если столь ценная для Опочки икона по-прежнему продолжает висеть у самой печки, ведь это пагубно для ее сохранности, и ревнителям старины стоило бы позаботиться о более бережном к ней отношении.)

Что стало с оригиналом – остается только гадать. К 80-м годам, когда автор этих строк пытался разузнать об этом у старожилов, никто ничего уже не мог вспомнить. Или просто не у тех спрашивал? Не пускаясь в догадки, отметим лишь, что, к несчастью для Опочки и ее уезда, ни одна, кажется, из находившихся здесь древних икон не была взята в 20-е гг. на музейный учет. Простая формальность? А между тем, даже в годы большого террора эта мера помогла спасти от произвола местных властей сотни и даже тысячи ценных икон по всей стране. Достаточно вспомнить Торбпецкую Богородицу или икону Спаса из Елеазарова монастыря. . .

И наконец, об имени опочецкой иконы. Словом «деисус», которым сейчас активно оперируют искусствоведы, в древней Руси называли, главным образом, соответствующий ряд иконостаса; часто этим словом назывался и весь иконостас. Иконы местного ряда с изображением Спаса с предстоящими, почти всегда, имели

⁶Бенчев И. Икона «Деисус со св. Николой» из Пскова. О северорусских деисусах со св. Николой на почетном месте. С. 242, ил. 3 (с датировкой началом XVI в.); Древние иконы старообрядческого кафедрального Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве. М., 1956. С. 15, ил. на с. 47.

⁷Большая благодарность сотрудникам ГАПО, уточнившим номера архивных дел.

⁸Интересно проверить по документам, не это ли тот самый «образ списанный в том же 1804 году с Чудотворного Спасителя образа, таковой же меры и изображения», на который, согласно опубликованному И. П. Бутырским отрывку соборной описи 1827 г., была перенесена – при замене оклада «Спасителя образа» – его «прежняя» позолоченная риза.

⁹Как нам уже доводилось отметить, в действительности, простреление было, скорее всего, арбалетным: огнестрельное оружие раннего XV в. имело слишком большой калибр.

другое название. В самом раннем тексте с упоминанием опочецкой иконы – в указе о посылке стрельцов для охраны Святогорского крестного хода по челобитной Спасского попа Иакова Иакимова (1688) – говорится о «Спасовом образе»¹⁰. В следующих за тем документах 60-х гг. XVIII века появляется знакомое нам имя Всемилоостивого Спаса. Один из этих документов – опубликованный И. П. Бутырским хронологический подсчет когo-то из соборян, другой – опись убранства деревянной Спасской соборной церкви из Российского государственного архива древних актов: «За правым крыласом образ всемилоостиваго Спаса в резном киоте позолоченном з Богоматерью и Николаем чудотворцем писан на красках, на нем риза и поля серебряные чеканой работы позолоченные» (РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 838). Хотя опись не называет образ чудотворным, несомненно, речь идет об интересующей нас иконе. Свое место за правым клиросом она сохранит и в каменном соборе...

Всемилоостивый Спас, или на языке девятнадцатого века, Всемилоостивый Спаситель. Как и в случае со многими другими названиями икон Богородицы и Христа – например, Богоматерь Елеуса – это имя отнюдь не маркировка иконографии, иначе говоря, типа изображения. Если опочецкая икона нимало не похожа на соименные ей чтимые образы из Романова-Борисоглебска или, к примеру, Кижей, то это именно потому, что речь идет об эпитете, относящемся к личности самого изображенного¹¹. Всемилоостивый Спас – почти что калька греческого *φιλέυπλαχμος Σωτήρας*. Однако, в том, что именно этот эпитет закрепился с XVIII столетия за опочецким Спасом, определяющую роль, наверняка, сыграл церковный календарь: неудачный штурм Витовтом Опочки пришелся на 3 августа, то есть на второй день после установленного на Руси еще в XII, а широко распространившегося уже с XIV века, праздника Всемилоостивого Спаса. Праздник этот был установлен в благодарность за дарование военных побед и, опять же, посвящен непосредственно самому Спасителю, хотя и не без связи с определенной Его иконой¹².

«... Но, и на моей памяти, писал И. П. Бутырский, когда случалась седмица покойнаго соборнаго Священника Петра Саввича Погонялова, (составителя находящагося в Опочецком Духовном Правлении и у некоторых частных лиц сокращения Истории города Опочки, извлеченнаго из известий или записок Леонтия Автономовича Травина) на 3-е Августа, в Опочецком Спасопреображенском соборе бывало, с большим звоном, Всенощное бдение Всемилоостивому Спасителю, с обыкновенным прибавлением Св. Угодникам Божиим Исакию, Далмату и Фавсту. Но, по смерти его, это обыкновение прекратилось»¹³.

¹⁰ Бутырский И. П. Опыт древней истории города Опочки. С. 23.

¹¹ Икона Воскресенского собора в Романове-Борисоглебске (Тутаеве) – оплечный образ монументального формата, тогда как кижская икона изображает Христа в рост с припадающими к Его ногам святыми, аналогично иконе Спасских ворот Кремля (так называемый Спас Смоленский). Любопытно, что с кижской иконой, известной также под именем Белого Спаса, связано красочное, но, скорее, во многом заимствованное предание о прострелении иконы стрелой «во время нашествия панов». – Пашков А.М. Описание Кижского прихода середины XIX века из фонда Е.В. Барсова в Государственном историческом музее // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле: сб. статей. Сост. и подготовка: И. В. Мельников. Музей-заповедник «Киж». Петрозаводск, 2014. С. 53–54, 56–58 (<http://kizhi.karelia.ru/library/tserkov-preobrazheniya-gospodnya-na-ostrove-kizhi-300-let-na-zaonezhskoj-zemle-sbor/1435.html>).

¹² Воронин Н. Н. Сказание о победе над болгарами 1164 г. и празднике Спаса // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 88–92.

¹³ Бутырский И. П. Опыт древней истории города Опочки. С. 29. Повторено с дополнениями: Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). С. 25.

Ил. 1

Ил. 2

Ил. 3

Подписи к иллюстрациям:

Ил. 1. Деисус со святым Николой. Икона псковских писем второй четверти – середины XV в. С фотографии из статьи И. Бенчева

Ил. 2. Чудотворная икона Всемилового Спасителя. Первая четверть XV в. под записями и окладом начала XIX в. Местонахождение неизвестно. С фотографии А. И. Герасимова из книги Л. И. Софийского

Ил. 3. «Ясная икона». Список с иконы Всемилового Спасителя 1804 г. (?). Деталь. Опочка, Покровская церковь. Фото автора